
ВАЛЕРИЙ МАЛАХОВ

ИСЛАНДСКИЕ ВСТРЕЧИ

Первые дни в Рейкьявике

Людам моего поколения памятна Рейкьявическая встреча на высшем уровне между генеральным секретарём ЦК КПСС Михаилом Горбачёвым и президентом США Рональдом Рейганом, которая состоялась 11–12 октября 1986 года в столице Исландии.

Хотелось бы приоткрыть некоторые неизвестные страницы подготовки и последствий этой встречи. Не стоит объяснять, что она готовилась секретно и в очень сжатые сроки. Вначале вообще предполагалось, что местом встречи будет Гонолулу или американская военно-морская база Пёрл-Харбор, а потом выбор пал на Рейкьявик как место, расположенное на середине пути между Вашингтоном и Москвой. Наше посольство было проинформировано о встрече всего за несколько дней до неё. Началась суматошная подготовка. Американцы, более расторопные и деловые, сняли для своей многочисленной делегации крупнейший в Рейкьявике отель “Сага”. Все остальные гостиницы были меньше и ниже уровнем. Наш посол решил предоставить для размещения членов советской делегации свою резиденцию. Однако её размеры и местоположение не позволяли разместить там даже чету Горбачёвых с охраной.

Когда 10 октября самолёт № 1 прибыл в аэропорт Кефлавика* и М. С. Горбачёв спустился с трапа, посол представил, как это требуется по протоколу, встречающих. Это были: руководитель правительственной канцелярии, начальник полиции Исландии, начальник береговой охраны, шеф протокола Министерства иностранных дел и несколько других официальных лиц второго и третьего ранга. На холодный, полушёпотом вопрос высокого гостя, чем объясняется столь невысокое должностное положение встречающих советского лидера, посол с наигранным спокойствием ответил, что столь неподобающий состав встречающих исландцев объясняется тем, что их парламент именно в эти часы обсуждает традиционные для этого именно дня вопросы с обязательным приглашением президента и членов правительства.

Выслушав всё это, руководитель советской делегации, поджав губы, объехал на машине центральную часть столицы, походя взглянув на резиденцию посла, и убыл в морской порт, где заранее отшвартовался советский пассажирский лайнер, на котором и разместилась наша делегация.

Очевидно, в тот же день была решена карьерная судьба и нашего посла, и консула с торгпредом. Они хоть и были выслушаны Горбачёвым, однако всего через две недели после этого их отозвали в Москву. Насовсем...

В октябре того же 1986 года, вскоре после во многом таинственной встречи лидеров СССР и США, мне было предложено срочно поехать в Рейкьявик,

* Кефлавик – крупнейшая американская военно-воздушная база в северном полушарии.

что было для меня крайне неожиданно. Но факт остаётся фактом: уже в конце декабря я был на месте представлен в качестве заведующего консульским отделом посольства СССР в Исландии.

Перед отъездом, получая в МИДе инструкции, мне было рекомендовано обратить особое внимание на работу с соотечественниками, постоянно проживающими в Исландии, на формирование доброго отношения к своей Родине. В этой показной “теплоте” к бывшим согражданам явно сквозило желание оттенить заботу нового лидера страны о “социализме с человеческим лицом”.

С этого я и начал. В консульских документах по учёту советских граждан числилось всего-то полтора десятка фамилий, в основном женских. По информации консульских работников-старожилых, они были разобщены и не только не поддерживали тесных отношений между собой, но и вообще крайне редко собирались вместе – как правило, на ежегодные традиционные встречи, организуемые для них консульством в нашем посольстве. Учётные карточки свидетельствовали, что своеобразная волна эмиграции в Исландию произошла сразу после Московского фестиваля молодёжи и студентов 1957 года. Меня это заинтересовало. Выбрав наугад одну из фамилий, я позвонил. Представился. Попросил о встрече. Мне не отказали. Мы встретились.

Моей собеседницей оказалась умная, волевая еврейка бальзаковского возраста по имени Елена Бергман. Она рассказала мне, что в 1957 году на Московский фестиваль направлялись лучшие из лучших: комсомолки, студентки-медалистки с обязательным знанием иностранных языков. Да и другие страны, принявшие участие в фестивале, направили в неведомую “медвежью” Москву свои лучшие кадры. Вот там и познакомилась моя собеседница, в то время студентка факультета журналистики МГУ, с будущим “исландским Достоевским”. Там же состоялась встреча студентки Второго московского медицинского института Екатерины Суцкой с будущим главным хирургом Исландии. Тогда же встретились студентка ГИТИСа Александра Курагей и будущий “исландский Станиславский”.

Официально переговорив, мы условились, что Елена соберёт наиболее близких к ней женщин, чтобы обсудить вопросы наших будущих формальных и неформальных встреч. На мой вопрос о количестве мужчин – граждан нашей страны, проживающих в Исландии, она сказала, что их всего двое.

Где-то через три месяца состоялась первая “массовая” встреча, на которой стало ясно, почему соотечественники с неохотой посещали наше посольство. Предыдущий консул собирал их раз в год, делал часовой доклад о внутриаполитической ситуации в Советском Союзе, прошедшем за это время съезде или пленуме ЦК КПСС, а затем организовывал в кинозале показ двухчасового фильма-балета “Лебединое озеро”. На этом встреча заканчивалась. На той, первой для меня, встрече пришлось проявить много терпения, убеждая собравшихся в том, что они сами теперь будут определять и тематику, и частоту этих встреч. А уж если говорить о фильмах, то, при желании, всегда можно заказать в Москве новые фильмы, которые бы для них были по-настоящему интересны.

Честно говоря, не сразу, но к осени следующего года, на третьей или четвертой встрече, лёд тронулся, и постепенно установилась по-настоящему товарищеская обстановка. Некоторые из моих тогдашних знакомых до сих пор передают мне привет, поздравляют с праздниками.

О пользе связей с соотечественниками

Одной из моих ближайших знакомых среди наших сограждан стала уже упомянутая Александра Курагей, якутка по национальности, одарённая, неординарная личность. Выпускница ГИТИСа, она вела тематические передачи на исландском телевидении, пела на исландском радио, выступая как художница-аппликатор на многих международных европейских выставках, была непревзойдённой мануальщицей тибетской медицины и – подумать только! – хозяйкой единственного деревянного дома в Рейкьявике.

Однажды с делегацией художников-космонавтов, руководил которой лётчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза Алексей Архипович Леонов, мы приехали на южное побережье Исландии. Искали натуру, похожую на лунный ландшафт. И нашли её на пляже, на знаменитых чёрных лавовых песках.

Был тёплый июльский вечер. Редкие валы Атлантического океана лениво накатывались на раскалённый солнцем песок. Вверх поднимались горячие и жирные клубы пара. На моё предупреждение, что температура океанской воды не превышает четырёх градусов, никто не отреагировал, и мне “за компанию” пришлось броситься в эту практически ледяную воду, ещё более контрастирующую с разогретым солнцем и буквально обжигающим ноги чёрным песком. Через несколько секунд все выскочили как ошпаренные. Увы, купание не обошлось без осложнений: меня на следующий же день согнул в дугу беспощадный “ридикюль”.

Со мной это случилось впервые. Я не мог ни стоять, ни сидеть. Созволившись с Александрой, я попросил её о помощи. Она сказала, что свои мануальные сеансы проводит у себя дома. Так я впервые оказался в громадном двухэтажном деревянном доме, обустроенном в якутских традициях. На втором этаже у хозяйки был оборудован медицинских кабинет. Она положила меня на пол, на коврик, и стала продавливать своими твёрдыми пальцами различные точки моего тела. Эти прикосновения, честно говоря, были весьма болезненными. Заметив это, она посоветовала мне глубже дышать. “А если уж совсем станет немого, кричите, не стесняйтесь!” Экзекуция продолжалась около двух часов. И что же? После сеанса я встал и как ни в чём не бывало пошёл на работу! Вот когда я ещё глубже понял, насколько полезны связи с соотечественниками.

Ищем погибших героев

Для исландцев Вторая мировая война, а тем более наша Великая Отечественная, — тема не просто далёкая, а какая-то “виртуальная”, хотя многие, кому за шестьдесят, достаточно хорошо знают, какую роль сыграла Исландия в приближении победы над фашизмом.

Известны слова У. Черчилля о стратегическом значении этой страны: “Тот, кто владеет Исландией, держит пистолет у виска Европы”. Видимо, из подобных соображений исходил Гитлер, когда в 1940 году направил под видом туристической группы команду специального назначения, которой было поручено, ни много ни мало, оккупировать страну. До сих пор доподлинно не известно, почему этим замыслам не суждено было сбыться.

Среди многочисленных вопросов, которыми занимаются консульские работники, была задача поддержания благодарной исторической памяти об участниках минувшей войны. В День 45-летия Победы, который в Европе отмечается 8-го, а у нас — 9 Мая, я был направлен в Хвальфиорд, то место, где формировались всем известные союзнические морские конвои PQ.

От Советского Союза в них членом делегации, участвующей в празднествах, был контр-адмирал в отставке Соболев Николай Михайлович, бывший военный атташе в Японии, а в период Второй мировой войны — офицер миссии связи, плававший на британском крейсере “Йорк” и участвовавший в проводке этих очень важных для нашей истекающей кровью страны конвоев. Делегации от США, Канады, Великобритании были не менее представительными.

В тот памятный день меня поразила группа полных пожилых женщин, прибывших из США. Оказывается, они, в то время молодые девушки и женщины, служили в специальных спасательных командах, в задачу которых входило в том числе отогревание собственными телами моряков, поднятых из ледяных вод северных морей. Этот метод восстановления спасённых, по их словам, был наиболее эффективным и действенным.

В тот год мы получили указание о необходимости участия в восстановлении памятников, надгробий, мемориальных досок на территории Исландии. Поиск в архиве Центрального рейкьявикского кладбища привёл к установлению факта смерти в одном из исландских госпиталей нашего соотечественника, военнослужащего по фамилии Малей. Центральный архив Министерства обороны СССР подтвердил эти данные. После обращения в мэрию Рейкьявика могила Малей была должным образом восстановлена, и сегодня на надгробии высечена пятиконечная звезда и фамилия воина на русском языке.

Занимайтесь своим делом

Однажды в мае 1987 года меня, консула СССР в Исландии, пригласил начальник береговой охраны Халдор Эриксон. С этим пожилым, немногословным и очень мужественным человеком у меня сложились добрые и даже, пожалуй, дружеские отношения. Прихватив на встречу с ним традиционный русский сувенир – бутылку водки, я прибыл в его рабочий кабинет. Халдор после обмена обычными приветствиями поведал мне, что несколько дней назад по подозрению в хищении яиц исландских соколов* был задержан немецкий гражданин Матиас Руст. Он на спортивном самолёте “Тесла” совершал полёты над исландской территорией с частыми посадками на определённые участки местности. Заметившие эти трюки исландцы позвонили в управление береговой охраны, которое выполняет функции пограничной службы. При очередном приземлении пилота задержали. Досмотр самолёта не подтвердил подозрений в хищении соколиных яиц, а на допросе Руст вполне определённо сказал, что данные полёты с приземлениями на необорудованных и небольших по размерам площадках он совершает с целью тренировки для последующего полёта в Россию, предположительно из Финляндии, с тем, чтобы приземлиться в Москве, и не где-нибудь, а на территории Кремля.

Эта новость была настолько неожиданной, что мы с собеседником одновременно расхохотались. Однако, попрощавшись с начальником береговой охраны, я задумался и вдруг почувствовал, что ничего смешного в том, что я услышал, нет. Вернувшись в посольство, я связался с консульской службой Исландии и проверил, получал ли Матиас Руст визу и разрешение на полёты в исландском воздушном пространстве. Мне подтвердили, что трёхмесячную визу он получил, а разрешение на полёты в исландском воздушном пространстве им были оформлены в конце апреля.

После этого была подготовлена телеграмма в Москву, которой я проинформировал руководство о полученной информации. Несколько дней спустя в поступившем из Москвы подстрочнике* мне было предписано “больше внимания уделять решению основных задач и не беспокоить Центр ненужной информацией”.

Когда же 28 мая 1988 года все международные агентства сообщили о том, что на Красной площади приземлился Матиас Руст, я сразу вспомнил ту встречу с начальником береговой охраны Исландии.

Это был не советский авианосец

Летние месяцы в Исландии – горячая пора для консульской службы. Это связано прежде всего с частыми заходами в рейкьявикский порт советских круизных, а также научно-исследовательских и рыболовецких судов. В соответствии с Уставом консульской службы каждый заход в иностранный порт наших судов связан со встречами кого-то из командования судна с представителями консульской службы. В консульство передаётся судовая роль, а с капитаном согласовываются вопросы, связанные с условиями пребывания судна в порту, особенностями поведения сходящих на берег увольняемых моряков, отработкой мобилизационных планов. Мне удалось побывать на очень многих наших судах – от малых сейнеров до гигантских нефтеналивных танкеров. Приходилось решать с капитанами и некоторые профессиональные вопросы. В частности, долгое время мы не могли получить данные об американском объекте в Исафьордуре, расположенном на северо-западной окраине острова. Наши попытки приблизиться к нему с суши ни к чему не приводили. Технические средства наблюдения срабатывали, и к нам за десять километров до объекта подъезжали американские военнослужащие, предлагавшие изменить маршрут и удалиться.

* Исландские соколы – редкий вид хищных птиц, обитающих только в Исландии. Охраняются в соответствии с исландскими законами, и их вывоз, в том числе яиц, категорически запрещён.

** Подстрочник – неофициальное указание, как правило, передаваемое с другой шифртелеграммой.

В течение мая-июля было согласовано, что я, при очередном заходе турбохода “Максим Горький”, взойду на борт с целью проинформировать экипаж о политических событиях в Советском Союзе. Затем я проследую на этом лайнере до города Аккурейри, так называют северную столицу Исландии. По общению штурмана, мы окажемся на траверзе Исафьордура в 3.30 местного времени. В это время года солнце практически не заходит над Исландией, и даже в половине четвёртого утра оно высоко и ярко светит. Я попросил капитана, чтобы “Максим Горький”, насколько это возможно, прошёл максимально близко к американскому объекту. Вечером после ужина мы встретились с капитаном, потомственным мореходом Евгением Додукаловым, и долго беседовали на разные темы. После полуночи он ушёл спать, а я поднялся на мостик, чтобы проверить свою аппаратуру и быть в готовности к натурным съёмкам. Море было абсолютно спокойным, и только всплески дельфинов, сопровождавших наш лайнер, нарушали ровную гладь переливающейся от изумрудного до фиолетового цвета воды. Вахтенный офицер подошёл ко мне и показал приближавшийся к нам берег и еле заметные строения интересующего меня объекта. Потом мы сделали несколько десятков снимков, после чего я с чувством выполненного долга ушёл в свою каюту. Днём мы зашли в порт Аккурейри. Меня уже ждал там вице-консул на служебном внедорожнике. Мы тепло распрощались с капитаном Додукаловым и тронулись в путь.

Если бы я мог представить, что ждёт этого мужественного человека в будущем!

Наша дорога до Рейкьявика пролегла вдоль северного и восточного побережья Исландии. Мы ехали вдвоём до самого вечера и остановились в удивительно красивом маленьком городке Нэскаупстадир на самом востоке острова. Решили переночевать в маленьком отеле, на площади, название которой всем русским так дорого и близко. Это была Красная площадь. Удивительно, но этот город среди исландцев до сих пор считается прокоммунистическим.

Утром мы продолжили наш путь и лишь за полночь прибыли в Рейкьявик. Я, не заезжая домой, отправился в посольство сообщить дежурному о прибытии и положить аппаратуру в сейф. Зашёл в свой кабинет. В это время раздался телефонный звонок. “Странно, кто может звонить в такую позднюю пору?” Это был оперативный дежурный по американской базе Кефлавик, майор ВВС Гарриманн. Уточнив, с кем разговаривает, он сообщил: “В районе Шпицбергена терпит бедствие русский авианосец, натолкнувшийся на подводный айсберг. На борту 990 человек”. Я вежливо поблагодарил за информацию, хотя заведомо знал, что никакого авианосца в зоне Шпицбергена быть не может. Сверив по полученному несколько дней назад судовому списку количество пассажиров и экипажа, я понял, что бедствие терпит “Максим Горький”. Срочно был вызван радист-шифровальщик и подготовлена внеочередная шифртелеграмма.

Позже, будучи в отпуске, я узнал, что это было единственное сообщение о чрезвычайном происшествии, которое было сразу же доложено лично генеральному секретарю ЦК Горбачёву.

К счастью, все пассажиры и члены экипажа нашего судна остались живы. Не могли найти лишь стюардессу-буфетчицу — она бесследно исчезла. Только через два месяца норвежские вертолётчики береговой охраны нашли её живой и невредимой на одном из необитаемых островов архипелага Шпицберген в доминике для терпящих бедствие и специально оборудованном всем необходимым.

Осенью в посольство прибыла группа следователей, которые анализировали показания экипажа и завершали следствие по этому делу. Меня они также расспрашивали: выпивал ли в тот приснопамятный вечер Додукалов, как он вёл себя, о чём говорил. Во всём чувствовалось, что эти следователи пытаются найти компромат на капитана. Я, со своей стороны, пытался убедительно показать, что более ответственного профессионала я не встречал. Тем не менее, как я узнал позже, он был не только отстранён от командования судном, но даже разжалован и оказался в тюрьме. В общем, как всегда, нашли “козла отпущения”...

Он не летит, он падает!

В предновогоднюю ночь 1988 года в наше посольство поступило сообщение, что советский самолёт АН-24 просит вынужденную посадку на авиабазе Кефлавик. Причина: отказ одного из двух двигателей. Я срочно выехал в Кеф-

лавик и уже через 30 минут был на месте. Ещё через 15 минут со стороны Ньюфаундленда показался наш самолёт, летевший как-то кособоко; казалось, он уже падает на аэродром. Это было ясно по тревожным возгласам американских специалистов аэродромной службы, подготовивших необходимые спасательные средства: тягач, пожарную машину, автомобиль “скорой помощи”. Тем не менее машина благополучно приземлилась.

В сопровождении американских военных я подошёл к совершившему посадку самолёту. Дверь приоткрылась, я представился, меня попросили войти. Сидящий на пассажирском месте человек с волевым лицом сказал, что он – командир авиационного корпуса, генерал-лейтенант авиации, что данный самолёт военный и досмотру не подлежит. На мой вопрос, чего они боятся, он ответил, что в самолёте много оружия и секретных документов. Стали обсуждать, как быть в сложившейся ситуации. Меня заинтересовал находившийся в центре самолёта ящик громадных размеров. Увидев мой взгляд, старший пояснил, что это дополнительный топливный бак. Топливо в нём уже выработано.

Я познакомился с командиром корабля, довольно молодым капитаном, и сказал, что, несмотря на наличие на борту генерала, командиром корабля является он и вести переговоры с американцами мы будем с его участием. Далее я предложил, чтобы не допустить ненужных эксцессов и осложнений, всё оружие сложить в этот топливный бак. А документы я как дипломат, пользующийся иммунитетом, смогу забрать с собой. Так и было сделано. Я вышел из самолёта и сказал американцам, что в скором времени самолёт будет готов к досмотру, а экипаж и пассажиры в данный момент собирают свои вещи.

На самом деле люди, с которыми я встретился, несмотря на то, что все они были в гражданской одежде, выполняли военно-инспекционную поездку в Никарагуа, где инспектировали ВВС этой страны. Теперь они возвращались на Родину и планировали быть на Новый год дома. Данный маршрут был самым коротким и беспосадочным, для чего и потребовался дополнительный топливный бак.

Для устройства неожиданно свалившихся на мою голову гостей пришлось снять целиком небольшую гостиницу в Рейкьявике. Уже ночью в посольстве прошло совещание с участием посла и руководителей инспекционной группы, где была отработана тактика поведения с американцами и уточнён план, связанный с ремонтом самолёта. К утру из Москвы пришло сообщение, что на следующий день в Рейкьявик вылетает самолёт АН-12 с новым двигателем и ремонтной бригадой на борту.

Тот январь выдался суровым, снежным и очень ветреным. Американцы категорически отказались предоставить нам место для ремонта самолёта в тёплом ангаре. И когда прибывшие специалисты подошли к “раненой” машине, она была наполовину занесена снегом, – жалкий снежный холмик в пустынном и безжизненном пространстве аэродрома. . .

Нужно было видеть, как наши техники на пятнадцатиградусном морозе, грея руки в ледяной солярке, вначале снимали неисправный двигатель, а потом, в течение нескольких суток, пытались установить привезённый мотор. Дело в том, что гондола, в которую надо было установить двигатель, должна быть абсолютно сухой. Но снежный ледяной вихрь постоянно забивал полости и проёмы снегом, что заставляло вновь и вновь вынимать двигатель, заново сушить гондолу специальными газовыми горелками и опять его устанавливать. Только к 15 января адский труд был завершён.

В последний вечер для лётчиков в посольстве мы устроили небольшой приём. Безусловно, за эти непростых полмесяца мы сдружились, и уже по возвращении из Исландии мне приходилось не раз попадать в крепкие объятия этих удивительных парней.

Утро в день вылета выдалось ясным, безоблачным. Первым стартовал наш “вылеченный” АН-24. Мы все жутко волновались. Но после разбега он легко взмыл в высоту и, качнув крыльями, полетел в сторону Родины. Тут же вслед за ним поднялся “спаситель” АН-12, раза в два крупнее размером своего “пациента”.

Вы Мирей Матье?

В далёком 1958 году в Исландии демонстрировался наш фильм “Карнавальная ночь”. Прошло много лет. И вот летом 1988 года до меня дошли све-

дения, что в Норвегии с визитом находится делегация наших кинематографистов, в которую входили Эльдар Рязанов и Леонид Филатов. Исландцы, которые сообщили мне об этом, попросили организовать их приезд в Рейкьявик на тридцатилетний юбилей популярного фильма. Созвонившись с консулом в Осло, узнал, что, в принципе, такой приезд возможен, однако денег на это у делегации нет.

Переговорил с Еленой Бергман, работавшей в то время секретарём президента Исландии Вигдисс Финнбогадоттир, которая до избрания на этот высокий пост была главной телеведущей Исландии, попросил найти выход из положения. Выход нашли. И деньги тоже, но только на авиабилеты. Через два дня встретили наших дорогих гостей. Кроме упомянутых ранее известных всем лиц старшим в составе этой делегации был немолодой старший лейтенант КГБ, “опекающий” работников культуры. Его мы, ко всеобщему удовольствию, разместили отдельно в каком-то недорогом отеле, а Рязанов и Филатов остановились у меня на квартире.

В крупнейшем кинотеатре Рейкьявика состоялся юбилейный кинопросмотр “Карнавальной ночи”, а затем выступление Эльдара Александровича. Но всё хорошее быстро заканчивается, и наступил день расставания. Он пошёл по инициативе якутки Александры Курагей в её доме. За большим деревянным столом собралось человек пятнадцать. В числе гостей была и жена министра иностранных дел Исландии, пришедшая с подружкой, удивительно похожей на Мирей Матье. Естественно, зная об этом, она и вела себя соответствующе. Леонид Филатов, когда его представили дамам, сразу же спросил: “Вы Мирей?” Девушка несколько смутилась, а жена министра, в прошлом актриса, улыбнулась и сказала: “Ну конечно, Мирей”.

В этой остроумной интернациональной компании мы провели последний вечер. Тамадой и основным рассказчиком, естественно, был Эльдар Александрович. Когда собравшиеся уже изрядно выпили, Рязанов предложил станцевать канкан. Он вывел в центр комнаты жену министра, Филатов сел за пианино и начал наигрывать: “Красотки, красотки, красотки кабаре”. Эльдар в это время делал перед дамой всевозможные “па”, показывая, что именно от неё требуется. На этой красивой женщине было тонкое, облегающее стройную фигуру платье, никак не подходящее для стремительного канкана. Министрша, однако, не растерялась. Подоткнув края своего платья за пояс и обнажив стройные ноги, она принялась лихо отплясывать, смеясь и притоптывая. Это надо было видеть!

Весь тот вечер я работал оператором, снимая на видеокамеру всё, что происходило. В конце съёмки я вдруг почувствовал чью-то тяжёлую руку на своём плече. Охранник министрши, ранее тихо дремавший на кухне, незаметно оказался рядом и потребовал отдать ему плёнку. Понадобилось всё мастерство Рязанова и Филатова, чтобы убедить бодигарда в том, что эта сцена никогда не будет демонстрироваться в Исландии. Плёнка эта до сих пор у меня. Как память и как драгоценный сувенир.

Три чуда Исландии

В этой стране много чего нет. Нет лесов, нет полезных ископаемых, нет железных дорог, наконец, нет тараканов. Но из того немногочисленного, что есть, исландцы извлекают пользу по максимуму. Это, прежде всего, термальные воды, малая гидроэнергетика и овцеводство.

На небольших гидроэлектростанциях электричества производится столько, что Исландия даже экспортирует его по подводному кабелю в Европу. А за счёт тепла подземных вод исландцы обеспечивают себя не только овощами, но и такими экзотическими фруктами, как бананы. На 250 тысяч населения на острове более миллиона овец специально выведенной мясо-шерстной породы.

Что же касается исландских чудес, то это – водопад Гюльфосс, Гейзер и долина Сольхеймар.

Громадный по своей мощности Гюльфосс смело можно считать одним из чудес света. Расположенный в центральной части Исландии, он красив в любое время года, но особенно поражает зимой, когда температура воздуха ниже десяти градусов. Мириады брызг, устремляющихся вниз почти со стомет-

ровой высоты, при приземлении превращаются в мельчайшие льдинки, издающие неопишемые по своей музыкальной гамме звуки.

Второе чудо – это Гейзер. В России любое отверстие в земле, из которого бьёт холодная вода, называется родник. Если вода горячая – гейзер. На самом деле Гейзер – имя собственное. Настоящий Гейзер находится в центральной части Исландии, диаметр его выходного отверстия на поверхности земли – 5 с половиной метров. Исландцы на 80% отбирают перегретый пар в трубопроводные системы, поэтому уже лет тридцать Гейзер не может извергать кипяток с той силой, с какой он это делал ранее. Тем не менее пятидесятиметровое извержение Гейзера один раз в год всё-таки происходит – почему-то на День работников торговли Исландии. За 4–5 часов, чтобы вызвать к жизни желанный фонтан, в жерло Гейзера забрасывают несколько десятков килограммов жидкого мыла. Оно-то и инициирует извержение. Место это, с учётом направления ветра, огораживают, чтобы в назначенный час тысячи туристов могли любоваться этим неопишимо захватывающим зрелищем.

Третьим чудом, на мой взгляд, является долина Сольхеймар. Расположенная практически в центре острова, она представляет собой громадный кратер потухшего вулкана. В самом его основании – небольшое горячее озеро. А по берегам расположились строения уникальной коммуны. Она представляет собой несколько корпусов санаторного типа, в которых живут больные синдромом Дауна. Здесь несколько сот взрослых и детей живут постоянно под присмотром и уходом международного коллектива медиков и студентов-добровольцев из разных стран. Есть и специальный культурно-спортивный корпус. Я был несколько удивлён, когда увидел в центре спортивного зала специальную установку для тренировки космонавтов – подарок американских астронавтов. И установка эта не бездействует.

В других корпусах проживают исландцы, в большинстве своём – родственники больных, которые на добровольной основе занимаются жизнеобеспечением всей коммуны. А это специальные оранжереи для выращивания овощей, ягод и фруктов, небольшие конюшня, коровник, овчарня, маленькая пекарня. Здесь на месте производятся практически все необходимые продукты питания.

Я с увлечением снимал всё это на плёнку. Отснятый фильм об этой коммуне и её обитателях я, возвратившись на Родину, предложил известному всем по клубу кинопутешествий Юрию Сенкевичу. Однако он данным материалом почему-то не заинтересовался, и кассета ко мне не вернулась. А жаль. Очень жаль...